

УДК 082

ДОЛГ И СМЫСЛ БЫТИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ДАНИИЛА ГРАНИНА

В.А. Гринфельд (В. Соболев)

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий
и дизайна, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается послание читающей публике, имплицитно содержащееся в нескольких художественных текстах Д. Гранина. Публицистическая составляющая прозы писателя давно находится в фокусе внимания исследователей литературы. Такие персонажи, как Сергей Крылов, Олег Тулин, Денис Дробышев, Павел Кузьмин, сделались знаковыми фигурами, превратились в имена нарицательные. Но до последнего времени действия персонажей писателя рассматривались в аспекте оппозиции личности и общества. Причем не только литературоведы советского времени, но и современные учёные предполагают, что истинный путь научного работника должен непосредственным образом соотноситься с потребностями общества и государства. В статье предлагается вычленить глубинный подтекст, скрытый за фабульными перипетиями, переориентировать анализ творчества Д. Гранина на процесс обретения его героями смысла собственного существования.

Ключевые слова: публицистика, критика, Д. Гранин, научное познание, смысл жизни

I

Психолог А. Маслоу, предложивший иерархическую систему потребностей человека, сокрушался, что не может найти литературного примера самоактуализированного человека: «Хотелось бы привести в качестве примера идеального испытуемого какого-нибудь героя литературного произведения, но мне так и не удалось найти среди них героя нашего времени и нашей культуры (и этот факт сам по себе наводит на размышления)» [1, с. 220]. Жаль, что американский учёный незнаком с русской литературой – ему бы не пришлось искать слишком долго. Отечественная словесность, особенно советского периода, была озабочена поисками героев, прокладывающих осмысленный путь в жизни. Александр Григорьев в романе В. Каверина «Два капитана», Владимир Устименко в трилогии Ю. Германа («Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за всё») и, конечно же, многие персонажи Д. Гранина – Сергей Крылов, Денис Дробышев, Павел Кузьмин, Николай Тимофеев-Ресовский.

Рассказы, повести, романы Даниила Гранина активно обсуждались читателями, критикой и непосредственно после публикации, и много лет спустя. Книги, написанные писателем в последние годы – в том числе, например, «Мой лейтенант», – не оттесняют на второй план работы полувекковой давности. Роман

«Иду на грозу» переиздавался в XXI столетии по меньшей мере пять раз. Трижды в новом тысячелетии издавалось собрание сочинений Д. Гранина, следовательно, тексты, знакомые и известные читающей публике, не потеряли своей актуальности и по сей день. О них спорили, спорят и будут спорить ещё долгое время, поскольку проблемы поиска человеком своего места в мире оказываются существенными для каждого нового поколения. Современный литературовед в монографии, опубликованной два года назад, пытается подвести итоги творчества Д. Гранина: «В своей мировоззренческой эволюции писатель Д. Гранин проделал путь от исповедания коллективистских форм общественной жизни при социализме до момента их переоценки и принятия эстетики индивидуалистических форм самовыражения» [2, с. 119]. О.Н. Кузнецовой подобная эволюция Д. Гранина представляется регрессом нравственной системы ценностей, но другие критики видят в этом развитии этики автора утверждение человеческого самостояния как высшего предназначения бытия личности в этом мире. Между этими двумя полюсами колеблются суждения исследователей литературы минувшего века. «Когда осознание долга перестанет быть только рассудочно вычисленным итогом, станет чувством, нравственной истиной, именно тогда человек сделает шаг навстречу гармонии, навстречу самому себе, как общественному человеку» [3, с. 152].

Этим выводом Л. Финк завершает исследование повести «Кто-то должен» – работы значащей, мимо которой не прошёл ни один критик, пишущий о Д. Гранине. Интрига фабулы завязывается, когда Денис Дробышев, инженер и учёный, руководитель электрохимической лаборатории, принимает в своей квартире в воскресный день случайного и совершенно незнакомого ему человека. Константин Селянин, бывший начальник цеха одного из региональных заводов, спроектировал установку, которая позволяет более эффективно и экономично подзаряжать промышленные аккумуляторы. Однако проект Константина Константиновича не принимают к производству, поскольку у него есть могущественный конкурент, директор Конструкторского бюро, которое также трудится над решением подобной технической задачи. Теперь Селянин пришёл к Дробышеву, эксперту в их общей профессии, надеясь, что тот сумеет разобраться в его чертежах, расчётах и дать положительное заключение. Социальная координата ситуации, предложенной писателем, ясна каждому, кто жил и работал в шестидесятые–семидесятые годы прошлого века. С одной стороны, общество и государство поощряли самостоятельных изобретателей, надеясь на серьёзный экономический эффект. С другой – «самотёк», то есть вал творений людей малообразованных и зачастую бездарных, захлёстывал все экспертные учреждения – от литературных журналов до патентных бюро.

Но Д. Гранин предлагает читателю разобраться в координате экзистенциальной. Позиции, которые занимают его персонажи в первой части повести, не безусловны, хотя некоторые исследователи усматривают непримиримый антагонизм в их отношениях: «Сочетание романтического утверждения самоотверженности, донкихотства, неукротимого правдоискательства с неприятием конформизма, бесчестности, эгоистических устремлений Д. Гранину было свойственно с его первых шагов в литературе» [3, с. 140]. К подобным заключениям подводит читателей крик изобретателя уже в прихожей, на выходе: «Безнравственно!..

Всё, что вы говорили... Я думал, что хоть кто-то должен...» (К.Д., с. 107). Однако после прочтения *всей* повести понимаешь, что Д. Гранин с первых же страниц затевает сложную интеллектуальную игру с читателем. «В повести “Кто-то должен” нет положительных героев» [3, с. 140]. И Константин Селянин предстаёт перед читателем отнюдь не безупречным романтиком, и Денис Дробышев выписан автором не одним чёрным цветом. Первый больше похож на безудержного фанатика, который легко переступит через судьбы близких ему людей. А второй безусловно умён, талантлив и, между прочим, указывает Селянину на недоработки его проекта. Найти ошибки в уравнениях и чертежах будущему доктору технических наук несложно, поскольку он знает, что любая идея преобразуется в металл и пластик, преодолевая отчаянное сопротивление материалов. Также Дробышев легко разбивает и этическую концепцию, которой, как щитом, прикрывается Селянин. Если уж последний хлопочет исключительно о пользе общества и государства, то почему же он отказывается взять соавтором директора того самого КБ и вместе пробивать новый аппарат, столь необходимый для производства? И на этот вопрос искатель абсолютной научной истины ответить, увы, не может.

Но через два года Дробышев и Селянин встречаются снова. Только в их жизни случились существенные изменения. Теперь уже Дробышев превращается в Селянина, каким Константин Константинович пришёл к нему за поддержкой. Нынче участие требуется Денису Семёновичу, который пытается внедрить в производство свой проект мощного аккумулятора и хочет разместить заказ на производство кремниевых пластин на заводе, где Селянин работает в большой должности – заместителя главного технолога. Теперь уже Селянин может решать чужую судьбу и предлагает ответ отрицательный. Он не злопаятен, он всего лишь принял другой способ существования. Он исповедует квиетизм своего рода, доказывает Дробышеву, что смысл жизни не в поиске, не в погоне, а в переживании каждого момента существования. Денис Семёнович же пытается доказать необходимость вечного поиска, пути в неизвестное, только что не цитирует античного полководца и политика: “*Navigare necesse est, vivere non est necesse*” («плыть необходимо, жить нет необходимости»). «Кто-то должен» (К.Д., с. 141), – отвечает он мысленно своему оппоненту, повторяя его же выкрик там, в прихожей столичной квартиры, убеждая самого себя и читателей.

Какие-то критики решили, что Дробышев раскаялся (см. [4, с. 147]), но проблема, как показывает её писатель именно художественными средствами, куда более сложна. Дробышев не переменялся, он, напротив, стал самим собой, пришёл к самому себе, к тому бытийному, что издавна составляло его внутренний стержень, но было замаскировано условностями существования. Он не увидел свет по дороге в Дамаск, он вдруг обрёл в самом себе смысл жизни, осознал главный вектор движения – создание нового типа аккумулятора. С точки зрения стороннего человека – не слишком много, чтобы отказываться от безмятежного и безбедного существования. С точки зрения самого Дробышева – может быть, даже всё, что довлеет теперь каждому его дню. «Человеческое бытие всегда ориентировано на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью» [5, с. 29].

II

Обретение человеком смысла жизни, внутреннего стержня оказывается основной творчеством Д. Гранина, что отмечается всеми, кто исследует тексты писателя. Оригинальнейшим образом эта проблема обрисовывается в небольшой повести «Однофамилец», которую критик совершенно справедливо определяет как «произведение с наибольшим эпическим размахом и в силу этого с более глубоким проникновением в противоречивую сложность жизни» [3, с. 171].

Фабула повести построена нестандартно: Павел Витальевич Кузьмин, инженер-монтажник, руководитель производственного треста, попадает в Дом учёных на Дворцовой набережной Ленинграда, где проходит конгресс математиков. Попадает совершенно случайно, мыкается от одной секции к другой и вдруг узнаёт, что – оказался основоположником оригинального метода расчётов электрических цепей. Его работа, проект диплома, которую он считал забытой, сейчас прочитана и востребована. На конгрессе он находит своих однокашников, которые предлагают ему вернуться в науку. Конечно, не в качестве творца, но – организатора, руководителя. Кузьмин берёт время на раздумья, но потом жёстко отклоняет предложение.

Такое решение кажется вздорным упрямством друзьям и коллегам Кузьмина. В те времена учёный с докторской степенью вставал на социальную ступень гораздо более высокую, чем производственник, начальник среднего подразделения. И, конечно же, сама среда возможной деятельности выглядела куда перспективней: не шум и лязг машиностроительного цеха, а тишина кабинетов и приятный декорум конференций, конгрессов. Такие интенции полнее всего проявляются в фигуре Зубаткина – сослуживца Павла Витальевича. Он пытается заняться наукой, даже не академической, а прикладной, только чтобы вырваться из суетной жизни строительно-монтажного треста: «Какая у меня перспектива? А тут, по крайней мере, кандидатская» (О., с. 325).

Перед Кузьминым открывается также заманчивая перспектива выяснить отношения с профессором Лаптевым. Тот в студенческие годы Кузьмина выступил оппонентом его доклада и доказал его несостоятельность. Кузьмин вынужден был покинуть институт, а защитил диплом только спустя несколько лет. Павел Витальевич требует профессора к ответу, но тот объясняет, что причиной событий давних лет оказалась вовсе не научная деятельность студента небесталанного. Принижая Кузьмина, Лаптев убирал из науки его руководителя – некоего Лазарева, интригана и доносчика. Тот отправил в места не столь отдалённые нескольких преподавателей и начинал собирать компромат на других. Лаптев разгромил работу Кузьмина, вытеснил Лазарева из вуза и тем самым спас нескольких своих друзей, которые сделали многое для советской науки и производства.

Социальная арифметика как будто показывает нам обоснованность позиции Лаптева. Но профессору чисто по-человечески жаль Кузьмина. Он говорит, что готов и признать Кузьмина автором замечательной идеи, и объяснить свою неприглядную роль в истории минувших дней, тяжёлых сороковых годов. Противостояние Лаптева и Кузьмина более всего занимает исследователей творчества Д. Гранина. Эта сюжетная линия, действительно, прописана весьма эмоционально и оказалась безусловной художественной удачей автора. Рельефной

она выглядит и в одноимённом телефильме того времени (режиссёр О. Воронцов, 1978 г.): роль Кузьмина исполняет Георгий Жжёнов, а Лаптева – Ростислав Плятт. Их диалог сразу вызывает в памяти телефильм по роману Р.П. Уоррена «Вся королевская рать» (режиссёр А. Гуткович, 1971 г.), где Жжёнов играет губернатора Старка, а Плятт – судью Ирвина. Судья – честный, мужественный интеллеktуал – вдруг поставлен перед судом своей совести: ему напоминают, что один раз в жизни он совершил проступок ценою в жизнь человека. Судья убивает себя, профессор остаётся жить, но и его сурово осуждают критики: «В лице Лаптева талант учёного и нравственная обеспеченность его также совпадают далеко не во всём» [4, с. 154].

Разумеется, всем хотелось бы, чтобы новая идея сразу выказывала свои достоинства, свою значимость, была признана безусловно всеми исследователями, но издавна же известно, что к звёздам человек прорывается сквозь густые заросли терний. Великий физик минувшего века Макс Планк заметил грустно и пессимистично, что новая теория получает признание не раньше, чем вымирают сторонники старой: «Новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что её оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней» (цит. по [6, с. 199]). Однако отечественные исследователи судят персонажей Гранина, исходя из отвлечённых посылок о месте человека в обществе, об отношениях личности и среды: «Для того, чтобы быть подлинным служителем науки, вынести на своих плечах всю тяжесть и весь драматизм научного подвига, одного таланта мало» [2, с. 99]. Да и сам писатель словно бы нарочно подыгрывал критикам, утверждая, например, что «советскому инженеру, учёному... помогает сознательное чувство ответственности перед своим народом, единственным хозяином его таланта» (цит. по [7, с. 95]). Сентенция о народе, как *хозяине человеческого таланта*, разумеется, укоренена во времени, в системе ценностей, идеологием советской эпохи. Но она же в явном, неявном ли виде присутствует в работах и современных исследователей: «Научное кредо подлинного учёного в значительной степени определяется мерой его гражданского самосознания» [2, с. 39]. Иными словами, по мнению О.Н. Кузнецовой, познающий индивид действует не самостоятельно, но ощущая себя прежде всего частичкой некоей институции общественной или государственной. Такой подход свойственен многим литературоведам, причём иногда кажется, что, рассуждая о долге перед народом, обществом, государством, они артикулируют желание масс быть хозяевами чужого таланта. Такие суждения обедняют наше представление о человеке и лишают необходимого инструментария для анализа мотивации персонажей Даниила Гранина. Нам кажется, что, определяя народ сувереном личности, писатель нащупал одну из узловых точек своего мировоззрения, но не смог точно сформулировать её в условиях идеократического государства. Но, как художник, предложил все pro et contra в рассказах, повестях и романах.

III

Изучение мира – задача, существенная для самого индивида, а не только императив, поставленный обществом, государством. Познание есть непосредствен-

ная потребность любого земного существа, «является обязательной потребностью» [8, с. 148]. К. Обуховский делит познание мира на две части: естественное или пассивное и неестественное или активное. Первое заключается в том, что существо посредством опыта учится ориентироваться в мире. Второй способ приобретения знания мы можем назвать научным, и он присущ только человеку разумному. Один *homo sapiens* способен поставить перед собой проблему, которая заключается в выходе за пределы непосредственного наблюдения. Ориентировочный рефлекс есть у всех существ, «рефлексом что-это-такое» назвал его Иван Павлов, и объявил о важнейшем смысле этой реакции на новые стимулы. Без неё животное не смогло бы выжить, а у людей «этот рефлекс простирается необычайно далеко, выступая в виде того стремления к знаниям, которое создаёт науку» (см. [8, с. 169]).

Заметим, что активный способ познания присущ, прежде всего, учёным как личностям, но не научным работникам, стремящимся к внешнему антуражу научной жизни. «Я хотел достигнуть!» (О., с. 340) – кричит сослуживец Кузьмина Зубаткин, который рассчитывает с помощью научной деятельности оторваться от земли, уйти от машин и механизмов, воспарить в интеллектуальные эмпирии. Такие «зубаткины» заполняли НИИ и академические, и отраслевые в те времена, когда происходит действие повести Д. Гранина. В шестидесятые годы в научной среде всерьёз муссировалось предложение отменить доплату за диссертацию, чтобы освободить науку от *торгующих*. Предложение достаточно романтическое, но Д. Граниным оно было персонифицировано в фигуре Данкевича, одного из персонажей романа «Иду на грозу» (И.Н.Г.). Замечательный учёный, работающий над интереснейшей задачей, совершенно не обращает внимания на бытовые нужды членов своей «команды». Что там деньги, что степени, когда необходимо поставить очередную серию важнейших опытов?! Кстати, в фильме, снятом по роману (режиссёр С. Микаэлян, 1965 г.), Дана играл всё тот же Ростислав Плятт. Теперь с уходом актёра уже и не представить, кто бы мог сыграть героя такого калибра, как судья Ирвин, профессор Лаптев, академик Данкевич. А, может быть, на таких персонажах нет и социального заказа.

Приняв во внимание естественный характер потребности в познании, выразим сомнение в том, что в книгах Д. Гранина можно вычленивать тему «научного творчества, направленного на усовершенствование производственной стороны жизнедеятельности человека» [2, с. 6]. Для О.Н. Кузнецовой учёный лишь частичка социума и должен постоянно осознавать свой долг перед ним. В её представлении и действия Сергея Крылова, и его жизненный модус сводятся лишь к процессу «земного самоутверждения» [2, с. 38].

Невозможно согласиться с тем, что персонажи Д. Гранина пытаются самовыразиться, самоутвердиться. Фраза Сергея Крылова «Я сделал это не для тебя» (И.Н.Г., с. 69) показывает и Олегу Тулину, и читателю прочность стержня, который определяет личность этого интеллектуала, интроверта, почти «идиота», каким его видят многие окружающие. Крылов человек естественный, как и Кузьмин, который вовсе не заботится о впечатлении, производимом им на окружающих. Обдумав собственное существование, Павел Витальевич снимает свои претензии к Лаптеву, заявляет, что он только однофамилец Кузьмина-математика, и возвращается в монтажный трест.

Оба эти персонажа, как и Денис Дробышев, – самоактуализаторы, люди, шагнувшие на пятую ступень в иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу. Всего же на этой «лестнице» семь ступеней: физиологические потребности, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в признании, потребность в самоактуализации, потребность в познании, эстетические потребности. Человеку, оказавшемуся на пятой ступени, осознавшему вектор собственного существования, можно и позавидовать, но принять за идеальный тип невозможно. А. Маслоу подробно исследует его достоинства и недостатки. Этот человек отнюдь не совершенен. С ним трудно ужиться. Он плох, потому что: упрям, раздражителен, горд; иногда очень жесток, жесток так, что люди признают его бездушным; не нуждается в друзьях; настолько независим от мнения окружающих, что его поведение в обществе иногда может показаться совсем не тактичным; чересчур увлечён своим делом. С другой стороны, жизнь этого человека безусловно завидна, личность заслуживает уважения ведь он: отталкивается в суждениях от фактов, а не от установок; живёт в ладу с собой; не боится неизвестности; не хочет казаться лучше, чем он есть; служит вполне определённому делу; спокойно переносит одиночество; устремлён к цели, но может оценить и дорогу; креативен; спокойно и добродушно принимает культуру, в которой он живёт. Его не пугает неизвестность, неопределённость так, как она пугает среднестатистического человека. Он и отличается от среднего тем, что живёт в ладу с самим собой. Он не конвенционален, не конформист, но обладает истинной, сущностной антиконвенциональностью, «в которой нет ничего от антиконвенциональности так называемой богемы и нигилистов, которые оспаривают всё и вся, сражаются против несущественных, пустяковых ограничений так, словно столкнулись с проблемой вселенского масштаба» [1, с. 230]. Он не противопоставляет себя обществу, он живёт и работает как часть этого общества.

Таковы и любимые герои Даниила Гранина: Сергей Крылов, Денис Дробышев, Павел Кузьмин. Последний вдруг ясно осознаёт, что в передрыге почти двадцатилетней давности он, может быть, не случайно оказался на своём истинном пути. Он не исследователь по сути своей, но человек действующий, строящий. Ему не место за письменным столом, как Сергею Крылову, у экспериментальной установки, как Денису Дробышеву. Кузьмин решил своим существованием задачу, которая предьявляется каждому человеку — определить вектор своего истинного существования, понять, насколько велико и властно сродство нашей природы и предлагаемой профессии. Достижения, измеренные по чуждой шкале, стоят на самом деле немногого. «Я многого достиг, да? Но может быть, я больше потерял?» — признаётся Кузьмину напоследок профессор Лаптев (О., с. 359). Кузьмин отказывается от внешних признаков успеха, возвращаясь к фидингам, кабелям, сметам и срокам. Он отказывается от научного творчества, однако этот человек безусловно креативен, в том смысле, в каком определял это понятие Р. Флорида. «Чем бы ни занимался креативный человек, что бы он ни делал, во всё он привносит присущее только ему отношение к происходящему, каждый его акт становится актом творчества» [9, с. 47]. Павел Витальевич много потерял по меркам людей «достигающих», но приобрёл самое важное, что может ожидать человек в нашем мире, – смысл существования.

Австрийский психолог В. Франкл утверждал, что «быть человеком – значит выходить за пределы самого себя... Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил» [5, с. 51]. Здесь отметим, что квиетизм Селянина во второй части повести «Кто-то должен» показывает нам, что этот персонаж обрёл спокойствие, но утратил личность. Он как будто демонстрирует Дробышеву достоинства своей тихой жизни, но на самом деле он пытается убедить себя самого. «Каждый человек мечтает о независимости, но силы духа для этого не всегда хватает, трудно освободиться от желания успеха, славы, денег», – резюмирует Д. Гранин, подводя итог бытия одного из самых своих привлекательных персонажей – биолога Николая Тимофеева-Ресовского (З., с. 220). «Зубр» называют повестью, но на самом деле это беллетризованный очерк. Здесь Д. Гранин говорит с читателем напрямую, на передний план выходит именно публицистический аспект прозы писателя. Думается, что обращение к документальному повествованию обусловлено прежде всего фигурой центрального персонажа, который оказался настолько фактурен и монументален, что требовал не дорисовки, а осмысления. «Задумываясь над секретом Зубра, убеждаешься, что в нём было развито именно самостоянье» (З., с. 220). *Самостоянье* человека – определение из стихотворения А. Пушкина, которое цитирует Д. Гранин в своей работе: «Самостоянье человека // Залог величия его». Именно самостоянье человека, самоактуализация и есть основное качество личности персонажей Даниила Гранина, которое он чётко формулирует, рассуждая ещё об одном своём «самоактуализаторе» – биологе Александре Любичеве: «Отчего возникает ощущение счастья? У него – наврное, от полноты осуществления себя, своих способностей... Может быть, он понял, что главное – это не результаты...» (Э.С.Ж., с. 290).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- проза Д. Гранина сохраняет актуальность и в наше время;
- исследователи творчества писателя обращают внимание, как правило, на отношения персонажей со средой, предполагая, что главное в жизни человека – долг перед обществом;
- принимая во внимание идеи А. Маслоу, К. Обуховского, В. Франкла, можно анализировать действия героев Д. Гранина в иной плоскости; тогда приходим к заключению, что главное в персонажах, созданных воображением писателя, – обретение смысла собственной жизни, самоактуализация личности.

Источники

- И.Н.Г. – *Гранин Д.А. Иду на грозу*. – Л.: Худож. лит., 1973. – 360 с.
- К.Д. – *Гранин Д.А. Кто-то должен // Гранин Д.А. Дождь в чужом городе*. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 70–143.
- О. – *Гранин Д.А. Однофамилец // Гранин Д.А. Дождь в чужом городе*. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 316–442.
- Э.С.Ж. – *Гранин Д.А. Эта странная жизнь / Гранин Д.А. Дождь в чужом городе*. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 207–315
- З. – *Гранин Д.А. Зубр: повесть*. – М.: Профиздат, 1989. – 304 с.

Литература

1. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 2001. – 478 с.
2. *Кузнецова О.Н.* Категория жизнеустроительного пафоса в потоке интеллектуально-деловой и «деревенской» прозы 2-ой половины XX столетия. – Краснодар: КСЭИ, 2015. – 134 с.
3. *Финк Л.А.* Необходимость Дон Кихота: Книга о Данииле Гранине. – М.: Сов. писатель, 1988. – 320 с.
4. *Старков А.Н.* Нравственный поиск героев Даниила Гранина. – М.: Худож. лит., 1981. – 200 с.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сб. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
6. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 288 с.
7. *Плоткин Л.А.* Даниил Гранин: очерк творчества. – М.: Сов. писатель, 1975. – 248 с.
8. *Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
9. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.

Поступила в редакцию
26.03.18

Гринфельд Владимир Александрович (Соболь Владимир), кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
ул. Большая Морская, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: vsobol@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 884–893

The Duty and Meaning of Life for Daniil Granin's Characters

V.A. Grinfel'd (V. Sobol')

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, 191186 Russia
E-mail: vsobol@yandex.ru*

Received March 26, 2018

Abstract

The paper considers the message to the reading public, which is implicitly contained in several literary texts by D. Granin. The publicistic component of the writer's prose has long been in the focus of attention of literary researchers. Such characters as Sergey Krylov, Oleg Tulin, Denis Drobyshev, and Pavel Kuzmin became iconic figures that turned into common names. However, until recently, the actions of the characters created by the writer were considered in the aspect of the opposition of the individual and society. Not only literary critics of the Soviet time, but also modern scientists suggest that the true path of a scientist should be directly related to the needs of society and the state. So, in the latest publications, the writer criticized the fact that collectivism moved to the position of an individualistic attitude to life.

In the paper, the interpretation of literary and artistic activity of the writer has been carried out. The deep subtext hidden behind the plot twists and turns of D. Granin's stories has been brought to the surface. To analyze the intentions and actions of the characters, the works of the thinkers of the 20th century, A.H. Maslow, K. Obukhovskii, and V. Frankl have been discussed. It has been shown that one of the main aspects that determine the life aspirations of the beloved D. Granin's characters is the search for the meaning of existence, the definition of the true vector of being, and the self-actualization of a human.

Keywords: journalism, criticism, D. Granin, scientific cognition, meaning of life

References

1. Maslow A.H. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Evraziya, 2001. 478 p. (In Russian)
2. Kuznetsova O.N. *Kategoriya zhizneustroitel'nogo pafosa v potoke intellektual'no-delovoi i "derevenskoi" prozy 2-oi poloviny XX stoletiya* [The Category of Life-Giving Pathos in the Flow of Intellectual-Business and "Village" Prose of the Second Half of the 20th Century]. Krasnodar. KSEI. 2015. 134 p. (In Russian)
3. Fink L.A. *Neobkhodimost' Don Kikhota: Kniga o Daniile Granine* [The Need for Don Quixote: A Book on Daniil Granin]. Moscow, Sov. Pisatel', 1988. 320 p. (In Russian)
4. Starkov A.N. *Nravstvennyi poisk geroev Daniila Granina* [Moral Search of Daniil Granin's Characters]. Moscow, Khudizh. Lit., 1981. 200 p. (In Russian)
5. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (In Russian)
6. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress, 1977. 288 p. (In Russian)
7. Plotkin L.A. *Daniil Granin: ocherk tvorchestva* [Daniil Granin: An Essay on Creative Works]. Moscow, Sov. Pisatel', 1975. 248 p. (In Russian)
8. Obukhovskii K. *Galaktika potrebnosti. Psikhologiya vlechenii cheloveka* [Galaxy of Needs. Psychology of Human Inclinations]. St. Petersburg, Rech', 2003. 296 p. (In Russian)
9. Florida R. *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life]. Moscow, Klassika-XXI, 2007. 421 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гринфельд В.А. (Соболь В.) Долг и смысл бытия персонажей Даниила Гранина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 884–893. ⟩

⟨ **For citation:** Grinfel'd V.A. (Sobol' V.) The duty and meaning of life for Daniil Granin's characters. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 884–893. (In Russian) ⟩